

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

МЕТОД «ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ»

В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ
МИТРОПОЛИТА ИОАННА ЗИЗИУЛАСА
КАК ОСНОВАНИЕ ЕГО БОГОСЛОВСКИХ
ПОСТРОЕНИЙ

Георгий Константинович Кутасевич

магистр теологии
аспирант Московской духовной академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
piterfm_ar@mail.ru

Для цитирования: Кутасевич Г. К. Метод «Обратной перспективы» в эсхатологических воззрениях митрополита Иоанна Зизиуласса как основание его богословских построений // Богословский вестник. 2025. № 3 (58). С. 91–108. DOI: 10.31802/GB.2025.58.3.005

Аннотация

УДК 27-175 (271.2)

В статье анализируется концепция «обратной перспективы» в эсхатологических воззрениях митрополита Иоанна Зизиуласса, которая выступает одним из методологических оснований его богословских построений. Рассматриваются историко-богословские истоки метода, его роль в формировании персоналистской онтологии, а также экклезиологии, где Евхаристия предстаёт как воплощение эсхатона и приобщение к вечности. Особое внимание уделяется сравнению подхода Зизиуласса с идеями других богословов (В. Лосского, Н. Афанасьева, К. Ранера, Ю. Мольтмана) и критике его концепции (Ж.-К. Ларше, иер. М. Легеев). Показана актуальность «обратной перспективы» для современной теологии, включая её значение для межконфессионального диалога, экологической теологии и миссии Церкви в условиях секуляризации.

Ключевые слова: обратная перспектива, эсхатология, митрополит Иоанн Зизиуласс, Евхаристия, экклезиология, онтология, триадология, патристика, Церкви, секуляризация.

Статья поступила в редакцию 20.5.2025; одобрена после рецензирования 22.6.2025

The Method of «Reverse Perspective» in the Eschatological Views of Metropolitan John Zizioulas as the Foundation of his Theological Constructions

Georgiy K. Kutasevich

MA in Theology

PhD student at the Department of Theology at the Moscow Theological Academy Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141312, Russia

piterfm_ar@mail.ru

For citation: Kutasevich, Georgiy K. “The Method of ‘Reverse Perspective’ in the Eschatological Views of Metropolitan John Zizioulas as the Foundation of his Theological Constructions”. *Theological Herald*, no. 3 (58), 2025, pp. 91–108 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2025.58.3.005

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of «reverse perspective» in the eschatological views of Metropolitan John Zizioulas, which is one of the methodological foundations of his theological constructions. The article examines the historical and theological origins of the method, its role in the formation of a personalistic ontology, as well as ecclesiology, where the Eucharist appears as the embodiment of the eschaton and communion with eternity. Special attention is paid to comparing Zizioulas’ approach with the ideas of other theologians (V. Lossky, N. Afanasyev, K. Rahner, Y. Moltman) and criticizing his concept (J.-K. Larcher, M. Legeev). The relevance of the «reverse perspective» for modern theology is shown, including its importance for interfaith dialogue, environmental theology and the mission of the Church in the context of secularization.

Keywords: reverse perspective, eschatology, Metropolitan John Zizioulas, Eucharist, ecclesiology, ontology, trinitarian theology, patristics, Church, secularization.

The article was submitted on 5/20/2025; approved after reviewing on 6/22/2025

Введение

Митрополит Иоанн Зизиулас (1931–2023 гг.) занимает особое место среди православных богословов XX–XXI вв. благодаря своему уникальному подходу к богословию, экклезиологии, онтологии и эсхатологии. Его ключевые труды: «Бытие как общение» (англ. «Being as Communion», 1985 г.), «Общение и инаковость» (англ. «Communion and Otherness», 2006 г.) и «Церковь и Евхаристия» (англ. «The Church and the Eucharist», 2009 г.) — представляют собой синтез патристической традиции, современной философии и богословской рефлексии. Одной из центральных концепций его системы является «обратная перспектива» — эсхатологический принцип, согласно которому Царство Божие (эсхатон) не только завершает историю, но и определяет её смысл, проникая из будущего в настоящее¹. Этот термин, заимствованный из православной иконографии (который ввёл о. П. Флоренский), где точка схода находится перед зрителем, символизирует вневременное присутствие Божественного в мире.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, «обратная перспектива» предлагает альтернативу линейным эсхатологическим моделям теологии, где история рассматривается как последовательное движение от грехопадения к спасению, а Эсхатон — лишь точка в будущем, которая никак не влияет на настоящее. Во-вторых, она связывает эсхатологию с Евхаристией, подчёркивая, что Евхаристия есть реальное присутствие Царства Божия в жизни Церкви. В-третьих, идеи И. Зизиуласа имеют значение для межконфессионального диалога: как сопредседатель Смешанной международной комиссии по богословскому диалогу между Православной и Католической Церквями, он внёс вклад в обсуждение таких тем, как примат и соборность². Наконец, его богословие отвечает вызовам секуляризации, возвращая эсхатологическое измерение в центр церковного сознания, т. е. подход И. Зизиуласа помогает Церкви не подстраиваться под мирские стандарты, а оставаться верной своему призванию — быть свидетельством Царствия Божия в мире, ведь главное — это вечная жизнь с Богом в Его Царствии.

Цель статьи — показать, как «обратная перспектива» служит основой онтологических, триадологических и экклезиологических построений

- 1 Иоанн (Зизиулас), митр. Бытие как общение: очерки о личности и Церкви / пер. с англ. Москва, 2006. С. 153.
- 2 Лаут Э., прот. Современные православные мыслители: от «Добролюбия» до нашего времени / пер. с англ. Москва, 2020. С. 345–367.

митр. И. Зизиуласа. Задачи исследования включают: анализ исторических и богословских истоков этой концепции, её роли в формировании онтологии бытия как общения, триадологии как модели учения о свободе и единстве человеческой личности, а также экклезиологии как воплощения эсхатона в Евхаристии. Кроме того, будет рассмотрена критика его идей и их значение для современной теологии, а также проведено сравнение с мнениями других богословов.

Историко-методологические истоки «обратной перспективы»

Истоки богословской методологии митр. И. Зизиуласа подробно исследованы доцентом Московской духовной академии А. А. Солонченко в работе «Исторические и богословские предпосылки генезиса и развития богословской методологии митрополита Иоанна (Зизиуласа)» (2015 г.)³. А. А. Солонченко выделяет три ключевых влияния: греческое богословие XX в., западную философию и патристическую традицию. Греческие богословы, такие как Х. Яннарас и И. Романидис, сыграли важную роль в формировании взглядов И. Зизиуласа. Х. Яннарас в «Личности и Эросе» предложил онтологию, в которой бытие определяется личностным отношением, а не сущностным, что стало отправной точкой для И. Зизиуласа⁴. И. Романидис, в свою очередь, акцентировал внимание на терапевтической (греч. «θεραπεία» — «исцеление») роли Церкви, что повлияло на экклезиологический аспект мысли И. Зизиуласа. И. Романидис считал, ссылаясь на свт. Григория Паламу, что одна из важнейших задач Церкви — это исцеление человека от греха и духовной слепоты через таинства и аскезу.

Западная философия, особенно М. Хайдеггер, также оказала влияние на митрополита. Хайдеггеровское понятие «бытия-к-смерти» И. Зизиулас переосмыслил в эсхатологическом ключе: если для М. Хайдеггера смерть — это конец существования, то для И. Зизиуласа эсхатон — это

3 См.: Солонченко А. А. Митрополит Иоанн (Зизиулас) как богослов эпохи постмодерна // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 2 (127). С. 194–201; Солонченко А. А. Анализ критики и разбор спорных положений тринитарного персонализма митр. Иоанна (Зизиуласа) // Вопросы богословия. 2019. Т. 1. № 1. С. 30–43; Солонченко А. А. Исторические и богословские предпосылки генезиса и развития богословской методологии митрополита Иоанна (Зизиуласа). URL: https://azbyka.ru/otechnik/loann_Ziziulas/istoricheskie-i-bogoslovskie-predposylki-genezisa-i-razvitija-bogoslovskoj-metodologii-mitropolita-ioanna-ziziulasa/

4 Яннарас Х. Личность и Эрос / пер. с греч. Москва, 2005. С. 45–67.

начало подлинного бытия в общении с Богом⁵. Однако главным источником вдохновения митр. Иоанна стала патристическая традиция, в частности каппадокийские отцы — свтт. Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский. У них И. Зизиулас заимствовал идею ипостаси как личностного бытия, существующего в свободном общении, а не как изолированного индивида. В отличие от каппадокийцев, для которых эсхатология завершала историю, И. Зизиулас делает её точкой отсчёта, он утверждает, что истина бытия раскрывается в эсхатоне, а не определяется историей⁶.

А. А. Солонченко подчёркивает, что «обратная перспектива» — это не просто метафора, а методологический принцип, позволяющий митр. И. Зизиуласу переосмыслить традиционные категории. Если в западной теологии эсхатология часто сводится к своеобразной «футурологии», то у И. Зизиуласа она становится онтологической реальностью, уже присутствующей в Церкви. Этот подход отвечает вызовам секуляризации, возвращая эсхатологическое измерение в центр богословия и церковной практики.

Онтология и триадология. «Обратная перспектива» как онтологическое основание

В книге «Бытие как общение» И. Зизиулас предлагает персоналистскую модель вместо субстанциалистской онтологии, где бытие определяется природой или сущностью. Он говорит, что бытие есть общение⁷, добавляя далее мысль, что это общение обретает полноту в эсхатоне⁸. «Обратная перспектива» здесь означает, что подлинное бытие личности и Церкви определяется не историческими условиями или биологической необходимостью, а их эсхатологическим предназначением. Человек становится личностью не через индивидуальные качества, а через участие в общении, предвосхищающем Царство Божие.

А. А. Солонченко видит в этом подходе развитие идей каппадокийских отцов, у которых Ипостаси Троицы существуют в свободном и вечном общении⁹. И. Зизиулас переносит эту модель на человека:

5 *Иоанн (Зизиулас), митр.* Бытие как общение: очерки о личности и Церкви. С. 178–180.

6 Там же. С. 98–100.

7 Там же. С. 27.

8 Там же. С. 153.

9 Солонченко А. А. Понятийная система тринитарного персонализма митр. Иоанна (Зизиуласа) // Материалы VIII международной конференции студенческой научно-богословской конференции 18–19 мая 2016 г.: сборник докладов. Санкт-Петербург, 2016. С. 160; Солонченко А. А. Тринитарное богословие Каппадокийцев в прочтении митрополита

личность обретает свою подлинность только в эсхатологическом измерении через общение с Богом и другими людьми^{10, 11}. Это положение резко отличает его от западных онтологических традиций, например от блж. Августина, в учении которого бытие связано с субстанцией, а история движется от грехопадения к спасению. Для И. Зизиуласа эсхатон не конец, а онтологическое событие, уже присутствующее в Церкви через Евхаристию.

Примером может служить его интерпретация смерти. В отличие от М. Хайдеггера, для которого смерть является границей бытия, митрополит И. Зизиулас видит в ней переход к подлинному существованию. Владыка Иоанн считает, что смерть преодолевается через участие в вечном общении с Богом¹².

Таким образом, «обратная перспектива» делает онтологию И. Зизиуласа динамичной, устремлённой к вечности и освобождённой от исторического детерминизма (так называемого предопределения).

Экклезиология как синтез триадологии и эсхатологии

«Обратная перспектива» пронизывает триадологию И. Зизиуласа, связывая её с эсхатологией. В «Общении и инаковости» он пишет, что Троичность — это образец бытия, где каждая Ипостась уникальна, но существует в отношении к другим. Митрополит Иоанн утверждает, что «быть — значит быть в общении»¹³, подчёркивая этим Троичную модель бытия. Эсхатон есть полнота этого общения, явленная в Церкви через Евхаристию. А. А. Солонченко отмечает, что И. Зизиулас опирается на свт. Василия Великого, для которого Св. Троица — образец свободы и единства, но делает эсхатологию активным принципом, определяющим настоящее¹⁴.

Иоанна (Зизиуласа) // Материалы кафедры богословия: 2014–2015. Кафедра богословия Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 2016. С. 163–183.

10 Солонченко А. А. Исторические и богословские предпосылки генезиса и развития богословской методологии митрополита Иоанна (Зизиуласа). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Ziziulas/istoricheskie-i-bogoslovskie-predposylki-genezisa-i-razvitiya-bogoslovskoj-metodologii-mitropolita-ioanna-ziziulasa/

11 Ещё см.: Солонченко А. А. Православная мысль в условиях постмодерна: философский контекст и три пути развития // БВ. 2020. № 4 (39). С. 66–84.

12 Иоанн (Зизиулас), митр. Бытие как общение: очерки о личности и Церкви. С. 201–205.

13 Иоанн (Зизиулас), митр. Общение и инаковость / пер. с англ. Москва, 2012. С. 89.

14 Солонченко А. А. Исторические и богословские предпосылки генезиса и развития богословской методологии митрополита Иоанна (Зизиуласа) URL: <https://azbyka.ru/otechnik/>

В отличие от В. Лосского, видевшего эсхатологию как апофатическую тайну, И. Зизиулас придаёт ей некую конкретность. Если для В. Лосского Троица остаётся непостижимой, а эсхатология — горизонтом боговидения¹⁵, то владыка Иоанн утверждает, что Церковь уже живёт в эсхатологическом измерении, отражая Троическое общение здесь и сейчас. Фактически И. Зизиулас утверждает, что Церковь должна быть похожа на Троицу, единую в любви и общении, как и люди в Церкви должны быть единым целым с Богом и друг с другом, соединяясь в Евхаристии. Это делает его триадологию не только теоретической, но и практической: она воплощается в церковной жизни, особенно в Божественной литургии.

Критики, например Ж.-К. Ларше, указывают, что акцент на Ипостаси в ущерб Природе может привести к недооценке Божественной Сущности¹⁶. Однако И. Зизиулас настаивает, что Природа не отрицается, а преобразуется в общении, он делает акцент на том, что инаковость в Троице подчёркивает единство¹⁷. Таким образом, «обратная перспектива» позволяет ему найти точки соприкосновения между триадологией и эсхатологией, представляя Св. Троицу как прообраз Церкви.

Экклезиологические следствия «обратной перспективы»

Экклезиология митр. И. Зизиуласса представляет собой наиболее практическое воплощение его концепции «обратной перспективы». В его книге «Церковь и Евхаристия» прослеживается мысль о том, что Евхаристия есть эсхатологическое событие, явление Царства Божия в Церкви¹⁸. Для И. Зизиуласса Церковь не просто историческая институция, движущаяся к будущему спасению, а сообщество, которое уже воплощает эсхатон здесь и сейчас. Божественная литургия преодолевает временные рамки, позволяя верующим участвовать в вечности.

Этот подход опирается на раннехристианскую традицию, в частности, на учение сщмч. Игнатия Антиохийского, который видел в Евхаристии единство Церкви под руководством епископа¹⁹. И. Зизиулас

loann_Ziziulas/istoricheskie-i-bogoslovskie-predposylki-genezisa-i-razvitiya-bogoslovskoj-metodologii-mitropolita-ioanna-ziziulasa/

15 Лосский В. Н. Боговидение / пер. с фр. Минск, 2007. С. 480–493.

16 Ларше Ж.-К. Лицо и природа. С. 234–267.

17 Иоанн (Зизиулас), митр. Общение и инаковость. С. 115.

18 Иоанн (Зизиулас), митр. Церковь и Евхаристия / пер. с греч. Богородице-Сергиева Пустынь, 2009. С. 45.

19 Ignatius Antiochensis. Ad Smyrnos 8, 1–2 // SC. 10bis. P. 138. Рус. пер.: Игнатий Антиохийский. Писания мужей апостольских. Москва, 2010. С. 67–69.

развивает эту идею, подчёркивая роль епископа как образа Христа, собирающего общину в эсхатологическое единство. А. А. Солонченко отмечает, что здесь И. Зизиулас отчасти следует прот. Николаю Афанасьеву, чья экклезиология акцентировала соборность через Евхаристию. Однако если у прот. Н. Афанасьева Евхаристия подчёркивает единство в настоящем, то у И. Зизиуласа Церковь существует «из будущего», предвосхищая эсхатон²⁰.

«Обратная перспектива» проявляется в том, что Церковь не определяется историческими или социальными условиями, а её подлинная сущность раскрывается в эсхатологическом измерении. Например, в статье «Эсхатология и общество» И. Зизиулас пишет, что Церковь свидетельствует о будущем мира²¹. Это делает Церковь голосом, который проповедует Слово Божие и противостоит секулярным идеологиям, предлагая альтернативу историческому детерминизму и борясь с безбожными идеями.

Практические следствия такой экклезиологии значительны. Во-первых, она подчёркивает центральную роль Евхаристии как события, объединяющего местные общины в единое Тело Христово. Во-вторых, она усиливает значение епископа как хранителя эсхатологического единства. В-третьих, она предлагает ответ на вызовы современности: в условиях глобализации и секуляризации Церковь сохраняет свою идентичность, остается собой, ориентируясь на вечность.

Однако такой подход вызывает вопросы. Например, как совместить эсхатологическое видение с реальными историческими вызовами, такими как расколы или социальная несправедливость? И. Зизиулас отвечает, что Церковь не избегает истории, а преображает, Евхаристия для Зизиуласа является не бегством от мира, а его освящением²². Таким образом, «обратная перспектива» становится ключом к пониманию Церкви как одновременно исторической и внеисторической реальности.

20 Солонченко А. А. Исторические и богословские предпосылки генезиса и развития богословской методологии митрополита Иоанна (Зизиуласа). [Портал Богослов.ru]. 2015. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Ziziulas/istoricheskie-i-bogoslovskie-predposylki-genezisa-i-razvitiya-bogoslovskoj-metodologii-mitropolita-ioanna-ziziulasa/

21 Иоанн (Зизиулас), митр. Эсхатология и общество // «Страницы: богословие, культура, образование». 2000. Т. 5. № 1. С. 37–49.

22 Иоанн (Зизиулас), митр. Церковь и Евхаристия. С. 78

Критика «обратной перспективы»

Концепция митр. И. Зизиуласа не осталась без критики. Ж.-К. Ларше в книге «Лицо и природа» (2021 г.) утверждает, что акцент на ипостаси в ущерб природе отклоняется от патристической традиции. Он считает, что владыка чрезмерно персонализирует онтологию, рискуя недооценить Божественную Сущность и природное единство творения²³.

Свящ. Михаил Легеев, в свою очередь, видит в противопоставлении истории и эсхатона угрозу целостности Предания:

«Если эсхатон полностью определяет бытие, то историческое раз-
витие Церкви теряет значение»²⁴.

Прот. Э. Лаут считает, что такой сильный акцент И. Зизиуласа на Евхаристии как на эсхатологическом событии оставляет меньше места для её связи с аскетической и повседневной жизнью верующих²⁵. Существует также опасение, что акцент на епископе как эсхатологическом центре может усилить иерархические тенденции, что противоречит соборности. Например, католический богослов К. Ранер, хотя и симпатизировал идеям митр. И. Зизиуласа, однако указывал на необходимость большего внимания к историческому контексту Церкви:

«Церковь существует в истории как сакраментальное присутствие
будущего Царства»²⁶.

А. А. Солонченко подчёркивает наличие синтеза истории и эсхатологии у И. Зизиуласа. Он ссылается на каппадокийцев, подчинивших историю Божественному замыслу, и подчёркивает, что митр. И. Зизиулас сохраняет этот баланс²⁷.

23 Ларше Ж.-К. Лицо и природа. Православная критика персоналистских теорий Христоса Яннараса и Иоанна Зизиуласа / пер. с фр. Москва, 2021. С. 234–267. См. ответ на эту критику в: Солонченко А. А. Анализ критики и разбор спорных положений тринитарного персонализма митр. Иоанна (Зизиуласа) // Вопросы богословия. 2019. Т. 1. № 1. С. 30–43.

24 Легеев М., свящ. Попытка «эйнштейновского переворота» в православной мысли // ХЧ. 2022. № 1. С. 86–105.

25 Лаут Э., прот. Современные православные мыслители: от «Добролюбия» до нашего времени. С. 370–372.

26 Ранер К. Основание веры. Введение в христианское богословие / пер. с нем. Москва, 2006. С. 414.

27 Солонченко А. А. Исторические и богословские предпосылки генезиса и развития богословской методологии митрополита Иоанна (Зизиуласа) URL: https://azbyka.ru/otechnik/loann_Ziziulas/istoricheskie-i-bogoslovskie-predposylki-genezisa-i-razvitiya-bogoslovskoj-metodologii-mitropolita-ioanna-ziziulasa/

С. М. Бортник пишет, что эсхатологическая ориентация освобождает Церковь от исторического детерминизма, делая её живым свидетелем Царства Божия²⁸. Сам владыка Иоанн в ответ на критику утверждает, что история не отрицается, а преображается через Евхаристию²⁹.

Современное значение «обратной перспективы»

Идеи И. Зизиуласа остаются актуальными и сейчас. Во-первых, «обратная перспектива» предлагает ответ на секуляризацию, напоминая о том, что Церковь существует не только в земном измерении. В условиях современности, когда вера часто сводится к этике или культурной традиции, И. Зизиулас возвращает вере аспект живого переживания эсхатона. Во-вторых, его экклезиология имеет значение для межконфессионального диалога, как напоминание об истинности православного подхода в данном вопросе. В-третьих, «обратная перспектива» вдохновляет экотеологию. В статье «Человек — священник творения» И. Зизиулас связывает эсхатологию с ответственностью за мир, он видит эсхатон как преображение всего творения, а христианство — как путь этого преображения³⁰. Это делает его богословие актуальным для современных дискуссий о климатическом кризисе. Наконец, его акцент на личности и общении резонирует с постмодернистскими поисками идентичности, предлагая альтернативу индивидуализму³¹.

Сравнение метода «обратной перспективы»

И. Зизиуласа с другими богословскими подходами

Для более глубокого понимания концепции «обратной перспективы» полезно сравнить её с эсхатологическими воззрениями других богословов, как православных, так и западных. Это сравнение позволит не только выявить уникальность подхода митрополита И. Зизиуласа в православной традиции, но и показать его диалог с предшественниками и современниками.

Православный богослов В. Лосский, чьи труды оказали влияние на И. Зизиуласа, рассматривал эсхатологию как апофатическую тайну,

28 Бортник С. М. Общение и личность. Богословие митрополита Иоанна Зизиуласа в систематическом рассмотрении. Киев, 2017. С. 255.

29 Иоанн (Зизиулас), митр. Эсхатология и общество. С. 42.

30 Иоанн (Зизиулас), митр. Человек — священник творения (К проблеме экологии) // «Православная община». 1998. № 43. С. 27–37.

31 См.: Солонченко А. А. Митрополит Иоанн (Зизиулас) как богослов эпохи постмодерна. С. 194–201.

связанную с боговидением. В книге «Боговидение» он подчёркивает апофатическую тайну эсхатологии³². В отличие от В. Лосского, митр. И. Зизиулас делает эсхатон конкретным событием, явленным в Евхаристии, что придаёт его подходу практическую направленность. Если В. Лосский делает акцент на том, что Бог выше земного, что Он трансцендентен, то И. Зизиулас подчёркивает, что вечность уже присутствует в церковной жизни.

На Западе католический богослов К. Ранер предлагает концепцию «эсхатологического настоящего», близкую идеям И. Зизиуласа. В книге «Основание веры» он утверждает, что «эсхатон уже действует в истории через благодать»³³. Однако К. Ранер сохраняет линейную перспективу, где эсхатон — это кульминация исторического процесса, тогда как Зизиулас видит его в качестве «элемента», определяющего бытие. Это отличие отражает расхождение между западной и восточной традициями: первая ориентирована на прогресс, вторая — на преображение.

Протестантский богослов Ю. Мольтман в «Теологии надежды» также акцентирует внимание на эсхатологии, но его подход ближе к футурологии: «Надежда христиан направлена на новое творение, которое преобразит мир»³⁴. И. Зизиулас, напротив, настаивает, что эсхатон уже присутствует в Евхаристии, а не ждёт реализации в будущем. Это делает его богословие менее спекулятивным (у И. Зизиуласа меньше теоретических, абстрактных предположений) и более литургическим (основание на реальном опыте богослужения, ведь эсхатон, по И. Зизиуласу, — это то, что Церковь переживает прямо сейчас во время Божественной литургии) по сравнению с Ю. Мольтманом.

Протоиерей Николай Афанасьев, один из ключевых представителей евхаристической экклезиологии, оказал заметное влияние на И. Зизиуласа, особенно в понимании Евхаристии как основы церковного бытия. В работе «Трапеза Господня» прот. Н. Афанасьев утверждает:

«Где Евхаристическое собрание, там Церковь, и где Церковь, там и Евхаристическое собрание»³⁵.

Эта идея близка владыке Иоанну, который также видит Евхаристию средоточием церковной жизни, однако их подходы существенно различаются в эсхатологическом измерении. Для прот. Н. Афанасьева Евхаристия — это прежде всего событие настоящего, подчёркивающее

32 Лосский В. Н. Боговидение. С. 480–493.

33 Ранер К. Основание веры. Введение в христианское богословие. С. 405.

34 Мольтман Ю. Теология надежды / пер. с нем. Москва, 1998. С. 158.

35 Афанасьев Н. Н., прот. Трапеза Господня. Киев, 2011. С. 18.

соборность и единство общины здесь и сейчас. И. Зизиулас же через «обратную перспективу» переносит акцент на эсхатон, он видит в Евхаристии эсхатологическое событие, явление Царства Божия в Церкви³⁶. Если у Н. Афанасьева Церковь существует в историческом контексте, то у И. Зизиуласа она «живёт из будущего», предвосхищая Царство Божие. Этим различием подчёркивается новаторство И. Зизиуласа: он не просто развивает евхаристическую экклезиологию, а радикально переосмысливает её через эсхатологическую призму.

Протоиерей Георгий Флоровский, выдающийся представитель неопатристического синтеза, предлагает историко-преемственный подход к экклезиологии. Он утверждает:

«Церковь есть продолжение воплощения во времени, и в этом смысле она принадлежит вечности, хотя и пребывает в истории»³⁷.

В отличие от И. Зизиуласа, для которого эсхатон определяет бытие Церкви, Г. Флоровский акцентирует непрерывность церковного Предания, укоренённого в патристическом наследии и историческом развитии догматического сознания. Г. Флоровский не видит эсхатологию как один из определяющих принципов. И. Зизиулас, напротив, ставит эсхатон в центр, утверждая, что истина бытия раскрывается в эсхатоне, а не определяется историей³⁸. Это противопоставление владыкой Иоанном истории и эсхатона вызвало критику, например, от свящ. Михаила Легоева, который считает, что такой подход является угрозой целостности Предания³⁹. Однако И. Зизиулас не отрицает историю, а преобразует её через литургическое присутствие эсхатона, что отличает его от историоцентричного подхода Г. Флоровского. Если Г. Флоровский смотрит назад, к истокам, то И. Зизиулас устремлён вперёд, к полноте бытия в Царстве Божием.

Румынский богослов прот. Д. Станилоэ, автор «Православного догматического богословия», предлагает ещё одну перспективу, сочетая эсхатологию с учением об обожении. Д. Станилоэ видит эсхатологию как цель обожения⁴⁰. Как и И. Зизиулас, Д. Станилоэ подчёркивает личностное измерение бытия, но его акцент лежит на постепенном процессе

36 *Иоанн (Зизиулас), митр.* Церковь и Евхаристия. С. 45.

37 *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 513.

38 *Иоанн (Зизиулас), митр.* Бытие как общение: очерки о личности и Церкви. С. 178–180.

39 *Легоев М., свящ.* Попытка «эйнштейновского переворота» в православной мысли. С. 86–105.

40 *Станилоэ Д., прот.* Православное догматическое богословие / пер. с рум. Москва, 2012. С. 250.

обожения, укоренённом в аскетической практике и таинствах. И. Зизиулас же видит эсхатон как уже присутствующую реальность, явленную в Евхаристии, а не как результат длительного восхождения. Например, в книге «Бытие как общение» прослеживается мысль о том, что общение с Богом не ждёт конца времён, оно уже дано в Церкви⁴¹. Это отличие отражает разные акценты: Д. Станилоэ фокусируется на антропологическом аспекте обожения, а И. Зизиулас — на экклезиологическом и литургическом предвосхищении эсхатона. При этом оба богослова опираются на прп. Максима Исповедника, но И. Зизиулас адаптирует его идеи к современной реальности через «обратную перспективу».

Сравнение идей И. Зизиуласа со взглядами других богословов выявляет не только их общие черты, но и уникальность богословской системы владыки И. Зизиуласа. Православные богословы подчёркивают центральную роль Евхаристии и опираются на патристическую традицию, особенно на каппадокийцев и Максима Исповедника. Однако «обратная перспектива» И. Зизиуласа выделяет его среди православных богословов XX в. В отличие от исторической ориентации Флоровского, «соборного настоящего» Н. Афанасьева и «аскетического прогресса» Д. Станилоэ, Д. Зизиулас предлагает радикальную эсхатологическую модель, в которой Церковь существует «из будущего». Это делает его богословие динамичным, но также вызывает вопросы о балансе между историей и вечностью. В духе исследований А. А. Солонченко можно сказать, что И. Зизиулас не разрывает связь с историей, а рассматривает её в свете эсхатона⁴².

Таким образом, «обратная перспектива» митр. И. Зизиуласа представляет собой оригинальный вклад в православное богословие, синтезирующий патристическое наследие с современной экклезиологической рефлексией. Его подход отличается от более «охранительных» моделей Н. Афанасьева, Г. Флоровского и Д. Станилоэ, предлагая Церкви не только хранить Предание, но и активно воплощать эсхатологическую реальность в настоящем.

«Обратная перспектива» И. Зизиуласа уникальна своим синтезом восточной патристики и литургической практики. Она избегает как апофатической абстрактности В. Лосского, так и исторического оптимизма

41 *Иоанн (Зизиулас), митр.* Бытие как общение: очерки о личности и Церкви. С. 67.

42 *Солонченко А. А.* Исторические и богословские предпосылки генезиса и развития богословской методологии митрополита Иоанна (Зизиуласа). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Ziziulas/istoricheskie-i-bogoslovskie-predposylki-genezisa-i-razvitiya-bogoslovskoj-metodologii-mitropolita-ioanna-ziziulasa/

К. Ранера и Ю. Мольтмана, предлагая модель, в которой эсхатон активно формирует настоящее.

Дополнительные аспекты: эсхатология и творение

Ещё одним важным измерением «обратной перспективы» является её связь с богословием творения. В статье «Человек — священник творения» митрополит Иоанн Зизиулас рассматривает человека как посредника между Богом и миром, он видит эсхатон как преображение творения⁴³. Это делает его идеи актуальными для экологической теологии. В отличие от секулярных подходов, где природа — объект эксплуатации, И. Зизиулас видит её как часть эсхатологического общения, преображаемого через Церковь.

Владыка Иоанн Зизиулас опирается на прп. Максима Исповедника, для которого творение обретает смысл в обожении⁴⁴. Однако И. Зизиулас идёт дальше, связывая этот процесс с Евхаристией: хлеб и вино, как элементы творения, становятся Телом и Кровью Христа, предвосхищая преображение мира. Этим подчёркивается универсальный характер «обратной перспективы», охватывающий не только человека, но и всё творение.

Практическое применение в церковной жизни

«Обратная перспектива» имеет прямое значение для современной церковной практики. Например, она вдохновляет миссионерскую деятельность: Церковь свидетельствует о Царстве Божием не через адаптацию к миру, а через пророческое возвешение эсхатона. И. Зизиулас видит миссию Церкви в освящении мира через Евхаристию⁴⁵. Это особенно актуально в условиях глобализации, где Церковь сталкивается с испытанием: не раствориться в культурных трендах мира сего.

Кроме того, его акцент на роли епископа как эсхатологического центра может способствовать укреплению единства в локальных общинах. В условиях расколов и конфликтов это напоминает о соборности, укоренённой в литургическом общении. Наконец, экологический аспект его мысли побуждает верующих к ответственному отношению

43 Иоанн (Зизиулас), митр. Человек — священник творения (К проблеме экологии). С. 30–32.

44 *Maximus Confessor. Capita de caritate* III, 97–99 // PG. 90. Col. 1045–1048. Рус. пер. А. И. Сидорова: *Максим Исповедник, прп. Главы о любви* III, 97–99 // Творения прп. Максима Исповедника. Кн. I: Богословские и аскетические трактаты. Москва, 1993. С. 133–134.

45 Иоанн (Зизиулас), митр. Эсхатология и общество. С. 45–47.

к творению, что делает его богословие мостом между традицией и актуальными современными вызовами.

Заключение

Концепция «обратной перспективы» в эсхатологических воззрениях митрополита Иоанна Зизиуласа представляет собой не просто богословскую инновацию, но фундаментальный принцип, который пронизывает его онтологию, триадологию и экклезиологию, создавая целостную систему, укоренённую в патристической традиции и одновременно обращённую к вызовам современности. Анализ, проведённый в данной статье, демонстрирует, что «обратная перспектива» не абстрактная метафора, а методологический ключ, позволяющий взглянуть с другой стороны на бытие, триадологию и экклезиологию через призму эсхатона как уже присутствующей реальности. Этот подход отличается И. Зизиуласа от других богословов, таких как В. Лосский, Н. Афанасьев, К. Ранер или Ю. Мольтман, и подчёркивает его вклад в развитие православной мысли.

На онтологическом уровне «обратная перспектива» преобразует традиционное понимание бытия. Отвергая субстанциализм, Зизиулас утверждает, что подлинное бытие — это общение, которое обретает свою полноту в эсхатоне. Человек становится личностью не через изоляцию или природные качества, а через участие в вечном сообществе, предвосхищаемом Евхаристией. Этот вывод имеет далеко идущие последствия: он освобождает онтологию от детерминизма истории и биологии, предлагая динамическую модель, где свобода и любовь становятся основой существования. Сравнение с М. Хайдеггером показывает, что И. Зизиулас не просто заимствует философские категории, а преобразует их в богословском ключе, делая эсхатон источником надежды, а не конца.

Триадологический аспект «обратной перспективы»: такой подход раскрывает Святую Троицу как прообраз эсхатологического общения. И. Зизиулас подчёркивает, что единство и инаковость в Святой Троице являются не статичным равновесием, а вечным движением любви, которое Церковь призвана отражать в своём существовании. В отличие от апофатического подхода В. Лосского, владыка Иоанн делает эсхатологию экзистенциальной, связывая её с литургической жизнью. Этот синтез позволяет утверждать, что богословие И. Зизиуласа не только теоретическое, но и практическое: оно вдохновляет верующих видеть в Евхаристии реальное событие общения со Святой Троицей. Критика

Ж.-К. Ларше, указывающая на возможное пренебрежение природой, опровергается тем, что И. Зизиулас рассматривает природу как преобразуемую в общении, а не как отделенную от Ипостасей сущность.

Экклезиология И. Зизиуласа, основанная на «обратной перспективе», предлагает видение Церкви как эсхатологического сообщества, которое преодолевает временные рамки. Евхаристия становится не просто обрядом, а событием, где Церковь уже сейчас воплощает Царство Божие. Роль епископа как гаранта этого единства подчёркивает соборность, укоренённую в литургии, а не в институтах. Сравнение с Н. Афанасьевым и анализ критики свящ. М. Легеева показывают, что И. Зизиулас не отрицает историю, а возвышает её до эсхатологического уровня, предлагая Церкви быть пророческим свидетелем в мире. Это особенно важно в эпоху секуляризации, когда Церковь рискует утратить свою идентичность, когда её пытаются растворить «*в мире сем*» (ср. Ин. 16, 33) и сдвинуть на периферию или даже обочину истории.

Дополнительные аспекты, такие как связь эсхатологии с творением, расширяют значение «обратной перспективы». Митр. Иоанн видит человека «священником творения», ответственным за преобразование мира, что делает его богословие актуальным для экологических дискуссий. Сравнение его взглядов с богословием прп. Максима Исповедника подтверждает, что эта идея уходит корнями в патристику, но И. Зизиулас адаптирует её к современности, подчёркивая литургическую основу преобразования. Это открывает новые горизонты для миссии Церкви: она становится не только хранительницей традиции, но и активным участником в сохранении творения.

Критика И. Зизиуласа, несмотря на её остроту, не умаляет ценности его идей. Ж.-К. Ларше и свящ. М. Легеев указывают на потенциальные слабости, например на примат ипостаси над сущностью или противопоставление истории и эсхатона, но аргументы А. Солонченко и С. Бортника демонстрируют, что эти аспекты не ошибки, а следствие смещения акцентов, обусловленное борьбой с неправильными взглядами других мыслителей. Эсхатологическая концепция И. Зизиуласа не разрушает Предания, а оживляет его, предлагая Церкви модель существования, свободную от исторического давления и устремлённую к вечности. Его богословие преодолевает разрыв между теорией и практикой, вдохновляя верующих жить эсхатологически уже сегодня.

Современное значение «обратной перспективы» трудно переоценить. Она отвечает на вызовы секуляризации, напоминая о трансцендентной природе Церкви, и предлагает пути для межконфессионального

диалога в том плане, в котором он возможен. Её экологический потенциал делает её актуальной для преодоления глобальных кризисов, а акцент на личности и общении актуализирует в эпоху постмодерна христианское представление об идентичности и ценности человека. Митрополит И. Зизиулас оставляет Церкви не просто богословское наследие, а призыв к пророческому свидетельству, где эсхатон становится не далёким будущим, а живой реальностью настоящего.

Таким образом, «обратная перспектива» является не только ключом к пониманию системы И. Зизиуласа, но и мощным инструментом для осмысления миссии Церкви в XXI в. Она утверждает, что Церковь — это не организация, а событие бытия, где прошлое, настоящее и будущее сходятся в литургическом акте общения с Богом и миром.

Источники

- Ignatius Antiochensis. Ad Smyrnos* // *Ignace d'Antioche. Lettres*. Polycarpe de Smyrne. Martyre de Polycarpe / éd. P.-T. Camelot. Paris, 1969. (Sources chrétiennes; vol. 10bis). P. 132–144.
- Maximus Confessor. Capita de caritate* // PG. T. 90. Col. 960–1073.
- Афанасьев Н. Н., прот. Трапеза Господня. Киев: Quo vadis, 2011.
- Иоанн (Зизиулас), митр. Человек — священник творения (К проблеме экологии) // Православная община. 1998. № 43. С. 27–37.
- Иоанн (Зизиулас), митр. Эсхатология и общество // Страницы: богословие, культура, образование. 2000. Т. 5. № 1. С. 37–49.
- Иоанн (Зизиулас), митр. Бытие как общение: очерки о личности и Церкви / пер. с англ. Москва: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006.
- Иоанн (Зизиулас), митр. Церковь и Евхаристия / [пер. с греч. иером. Леонтия (Козлова)]. Богородице-Сергиева Пустынь: [Б. и.], 2009.
- Иоанн (Зизиулас), митр. Общение и инаковость / пер. с англ. Москва: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2012.
- Игнатий Антиохийский. Писания мужей апостольских. Москва: Сибирская Благовонница, 2010.
- Лосский В. Н. Боговидение / пер. с фр. Минск: Изд. Белорусского Экзархата, 2007.
- Максим Исповедник, прп. Главы о любви // Творения прп. Максима Исповедника. Книга I. Богословские и аскетические трактаты / пер., вступ. ст. и комм. А. И. Сидорова. М: «Мартис», 1993. С. 96–145.
- Мольтман Ю. Теология надежды / пер. с нем. Москва: ББИ, 1998.
- Ранер К. Основание веры. Введение в христианское богословие / пер. с нем. Москва: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006.
- Станилоз Д., прот. Православное догматическое богословие / пер. с рум. Москва: Сибирская Благовонница, 2012. С. 245–260.

Яннарас Х. Личность и Эрос / пер. с греч. Москва: Прогресс-Традиция, 2005.

Литература

- Бортник С. М. Общение и личность. Богословие митрополита Иоанна Зизиуласа в систематическом рассмотрении. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2017.
- Лаут Э., прот. Современные православные мыслители: от «Добролюбия» до нашего времени / пер. с англ. Москва: Паломник, 2020.
- Ларше Ж.-К. Лицо и природа. Православная критика персоналистских теорий Христоса Яннараса и Иоанна Зизиуласа / пер. с фр. Москва: Паломник, 2021.
- Легеев М., свящ. Попытка «эйнштейновского переворота» в православной мысли // Христианское чтение. 2022. № 1. С. 86–105.
- Солонченко А. А. Исторические и богословские предпосылки генезиса и развития богословской методологии митрополита Иоанна (Зизиуласа). [Портал Богослов.ru]. 2015. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Ziziulas/istoricheskie-i-bogoslovskie-predposylki-genezisa-i-razvitija-bogoslovskoj-metodologii-mitropolita-ioanna-ziziulasa/
- Солонченко А. А. Понятийная система тринитарного персонализма митр. Иоанна (Зизиуласа) // Материалы VIII международной конференции студенческой научно-богословской конференции 18–19 мая 2016 г.: сборник докладов. Санкт-Петербург: Изд. СПбДА, 2016. С. 156–162.
- Солонченко А. А. Тринитарное богословие Каппадокийцев в прочтении митрополита Иоанна (Зизиуласа) // Материалы кафедры богословия: 2014–2015. Кафедра богословия Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 2016. С. 163–183.
- Солонченко А. А. Митрополит Иоанн (Зизиулас) как богослов эпохи постмодерна // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 2 (127). С. 194–201.
- Солонченко А. А. Анализ критики и разбор спорных положений тринитарного персонализма митр. Иоанна (Зизиуласа) // Вопросы богословия. 2019. Т. 1. № 1. С. 30–43.
- Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. 4-е изд. Париж: YMCA-Press, 1988.